

Я ♥ читать

Андрей
ШЛЯХОВ

АНДРЕЙ
МИРОНОВ И ЕГО
ЖЕНЩИНЫ
...И МАМА

Современные и классические бестселлеры

Андрей Шляхов

**Андрей Миронов и его
женщины. ...И мама**

«Автор»

2012

Шляхов А. Л.

Андрей Миронов и его женщины. ...И мама / А. Л. Шляхов —
«Автор», 2012

ISBN 978-5-271-42061-1

Кем же был фееричный, сияющий, великолепный Андрей Миронов – жертвой или палачом? Скандальные мемуары его любовницы, воспоминания жен и дочерей полностью противоречат друг другу. Кто та единственная, которую любил Миронов? Кто из его верных друзей на самом деле был предателем? Почему он так рано ушел от нас, и какую роль в его судьбе сыграла властная мать в незаказной и непредвзятой биографии артиста.

ISBN 978-5-271-42061-1

© Шляхов А. Л., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Андрей Шляхов

Андрей Миронов и его женщины...И мама

*Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.*

*И чем выше я шёл, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.*

*Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали туманенный взор.*

*И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.*

*Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И всё выше я шёл, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.*

Константин Бальмонт

Предисловие

Мои представления о добре и зле были вдребезги разбиты фильмом «Бриллиантовая рука».

До того как я посмотрел этот фильм, всё в моей жизни было ясно, логично и просто. Мир делился на добрых и злых, на наших и не наших (преимущественно – белогвардейцев и фашистов), на однозначно плохих и всесторонне хороших. Хорошие люди заслуживали всяческих наград, похвал и сладостей, а плохие, соответственно, – порицания, ремня и чего похуже.

И вот в этот гармоничный детский мир ворвался «Граф», он же Геша, а в миру – Геннадий Петрович Козадоев. Обаятельный, жизнерадостный и очень невезучий прохиндей-контрабандист.

С одной стороны – плохой человек, неправильный. У станка не стоит, земные недра отбойным молотком не ковыряет, корабли через моря-океаны не водит. Подвизается в каком-то Доме моделей, да и то изредка, посвящая весь избыток своего свободного времени весьма неблагоприятным делам.

С другой... Ах, какой же он был обаятельный с другой стороны! Как улыбался, как пел, как танцевал! И вообще – такие весёлые люди не могут быть плохими по-настоящему. Это его, наверное, Лёлик втянул. Вот Лёлик в исполнении Анатолия Папанова был злодей так злодей. Мрачный, грубый, плохо воспитанный. Увидишь такого на пороге – всё, прощайся со своей

копилкой. А Геша – не такой, он хороший, только в плохие игры немножко заигрался. И была детская уверенность в том, что Гешу сильно наказывать не станут. Так, поругают немного, погрозят пальцем и отпустят. А уж Лёлика с шефом – тех точно на неделю в угол поставят, и вместо конфет и мороженого будет им рыбий жир по три столовых ложки в день!

Андрей Миронов превратил мои чёрно-белые представления о людях в цветные, за что я ему бесконечно признателен.

Впрочем, не только за это, но за всё его творчество, за то, что он был.

Был... Так трудно, так непривычно говорить об Андрее Миронове в прошедшем времени. Ведь не проходит и недели без просмотра какого-нибудь фильма с его участием.

Какое там «был»?!

Он есть!

Он всегда с нами!

Волшебная сила искусства (да простят мне читатели мой пафос хотя бы потому, что здесь он вполне уместен) делает своих избранников бессмертными, и в этой-то власти над временем и кроется суть волшебства.

Глава 1

Родители

Мария Миронова родилась в праздник, в Рождество – 7 января 1911 года (по старому стилю – 24 декабря 1910 года). Отец – конторский работник, ведавший учётом товаров, мать – учительница в школе. Благодаря финансовым способностям отца, Владимира Николаевича, жили Мироновы хорошо, можно сказать – богато. Кроме достатка их семья выделялась своей любовью к искусству, в первую очередь к музыке и театру. Разумеется, Маша с детства мечтала стать актрисой. Нет, лучше сказать не «мечтала», а «собиралась». Это была очень целеустремленная и упорная девочка.

В семь лет (на дворе был 1918-й год и Москва только привыкала жить по новым, коммунистическим правилам) Маша начала учиться в общеобразовательной школе № 73, созданной новыми хозяевами жизни на базе двух известных московских гимназий – мужской гимназии А. Е. Флёрова и женской гимназии М. А. Румянцевой. В 1921 году эта школа была преобразована в Единую трудовую опытно – показательную школу № 10, а в 1922 году получила имя полярного исследователя Фритьофа Нансена. Какая связь между знаменитым полярным исследователем и московской школой? Да всё очень просто: Нансен, первый в истории верховный комиссар Лиги Наций по делам беженцев, хорошо относился к Советской власти, укрепляя её авторитет не только своими высказываниями, но и деньгами. Так, например, большую часть Нобелевской премии мира, которой Нансен был удостоен «за многолетние усилия по оказанию помощи беззащитным», он потратил на устройство в Советском Союзе двух показательных сельскохозяйственных станций.

Школа была хороша всем, кроме месторасположения. Находилась она у Никитских ворот, а Мироновы жили на Земляном валу недалеко от Таганской площади.

От двух «родителей», старорежимных гимназий, новой школе досталась в наследство традиция школьного театра, в постановках которого активно участвовала Маша Миронова. Понемногу оттачивалось мастерство, а заодно ковался характер. В 1925 году Маша поступила в театральный техникум имени А. В. Луначарского («предка» Российской академии театрального искусства – РАТИ-ГИТИСа). Годом позже студентка Миронова вышла на сцену Театра современной миниатюры, получив роль Маньки в комедии Василия Шкваркина «Вредный элемент».

Первая ступенька... Сколько же их ещё впереди! Вспомогательная труппа (можно сказать – сценический резерв) Московского театра оперетты, МХАТ-второй (здесь, вопреки ожиданиям, не заладилось с первых дней – обошли ролями, стали выживать), Московский государственный мюзик-холл...

На эстрадной сцене успеха было больше, чем на театральной. Мария придумала новый, никем доселе не опробованный, эстрадный жанр – «телефонные разговоры». Это сейчас телефон привычен до обыденности, а в то время он был олицетворением прогресса!

Был создан образ Капы, Капитолины, мешчанки до мозга костей, манерной, претенциозной, недалекой. Яркая юбка, непременный облезлый мех на плечах, красный (как-никак основной цвет того времени) берет на голове. Капа с серьёзным видом несла в трубку забавную чепуху, зрители смеялись, актриса (она же – сценарист, режиссёр и художник по костюмам) радовалась аплодисментам. После Капы была Дуся, Дусю сменила Клава... Все они были похожи, как сестры, что давало повод для упрёков в повторяемости. Но тем не менее именно «телефонные разговоры» в 1939 году принесли Марии Мироновой звание лауреата Первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Это было не просто звание, а официальное признание заслуг актрисы. Первое и оттого ценное втройне.

Попробовала Миронова себя и в кино, но на этом поприще особого успеха не имела. Зрителям она запомнилась только в роли секретарши бюрократа Бывалова в кинокомедии режиссера Александра «Волга-Волга». Но это была второстепенная роль, не раскрывающая всех граней актерского дара Марии Владимировны.

В 1932 году Миронова вышла замуж за не очень известного режиссёра документальных фильмов Михаила Слущкого. Жили супруги вдвоем, детей не было.

1936 год выдался несчастливым. Закрылся мюзик-холл, тяжело заболели родители. Они лежали на разных этажах одной и той же больницы, надежды на выздоровление не было. Дочь, стараясь выглядеть бодрой и весёлой, сидела то возле отца, то возле матери, всячески скрывая горькую правду. Извелась, исхудала, но держалась, пока родители были живы. После похорон заболела сама. Болела долго, тяжело, поправившись, поступила в Центральный театр транспорта (впоследствии переименованный в Театр имени Н. В. Гоголя). Здесь тоже «не пришлось ко двору» – раболепствующие бездарности ценились и ценятся многими режиссёрами больше талантливых актёров с характером. Мария служила в театре транспорта и ждала своего часа, часа своего торжества.

В конце 1938 года в Москве был создан Государственный театр эстрады и миниатюр, в труппе которого Мария Миронова сразу же стала одной из звёзд. Она играла во всех спектаклях, причём не одну, а несколько ролей.

Здесь и произошла судьбоносная встреча Марии Мироновой с музыкальным пародистом из Ленинграда Александром Менакером. Александр был «приглашённым» артистом, в труппу театра он не входил. Ему было двадцать шесть лет, Марии – двадцать девять. Александр был женат на актрисе балета Ирине Ласкари, у них рос сын Кирилл.

Менакер, сын петербургского адвоката, внук придворного поставщика драгоценностей, был виртуоз и выдумщик, причём с организаторскими способностями. Ещё учась в школе, он создал шумовой оркестр, в котором играли не на музыкальных инструментах, а на чём придётся – от расчёсок до кастрюль. Бредил театром. Отец, считавший актерскую профессию несерьёзной, пытался вразумить сына, но безуспешно.

Знакомство с музыкантом Борисом Круппышевым, создававшим свой «Голубой джаз», привело семнадцатилетнего Александра на «большую» сцену. Солист джаза да ещё и настоящий «человек-оркестр», игравший одновременно на нескольких инструментах – о, это было так здорово! Другой бы остановился на достигнутом и улёгся поживать на лаврах, но не таков был Александр. Вскоре он поступил на режиссёрское отделение Ленинградского техникума сценических искусств. Попутно готовил свой первый эстрадный номер, в котором играл на рояле, лёжа на его крышке. Номер был впервые показан в мае 1932 года. Приняли его хорошо. Менакер усмотрел в этом предзнаменование и связал свою жизнь с эстрадой. Техникум, правда, окончил, вскоре пригодился. С Харьковским джаз-театром, в котором он был и актёром, и режиссёром, Менакер объездил чуть ли не всю страну.

Поначалу взаимный интерес Александра и Марии вскоре перерос в сильное чувство, достигшее пика летом 1939 года во время гастролей театра в Ростове-на-Дону. Гастрольные романы – дело нередкое, житейское, можно сказать, но Александр и Мария прекрасно понимали, что их отношения не укладываются в рамки «шалостей на выезде». К ним пришла любовь.

Мысли о предстоящей разлуке были невыносимы для обоих. Прямо с гастролей Мария написала мужу, что она полюбила другого. Александр объяснился с женой по возвращении в Москву. 26 сентября 1939 года Александр Менакер и Мария Миронова стали мужем и женой. Так родилась не только новая семья, но и новый «театр двух актеров». Менакера приняли в труппу Театра эстрады и миниатюр, и супруги стали выступать вместе.

Известный режиссёр и театровед Борис Львов-Анохин вспоминал: «Незабываем Театр двух актеров – Мироновой и Менакера. Этот дуэт встречали с восторгом во всех городах Рос-

сии. Их разговоры, споры, ссоры, препирательства заставляли стонать от смеха огромные залы, до отказа набитые зрителями. Я имел счастье репетировать с ними в их счастливом доме. Дом был счастливым, потому что в нём никогда не прекращалась игра – опять-таки юмористические споры, ссоры, препирательства, обмен колкостями, – быт был весело театрализован, состоял из талантливейших импровизаций, этюдов, остроумных пассажей. Очень смешные игры, в которых сквозь юмор светилась огромная нежность. Они как-то пришли ко мне на мой день рождения, уселись за стол, и тут же началась всё та же игра – неистощимый каскад замечаний, придирок, сентенций – великий Супружеский Диалог, комедийное столкновение сокрушительного темперамента жены и философского благодушия мужа. И было уже не нужно развлекать гостей, они встречали счастливым смехом каждую фразу Марии Владимировны и Александра Семёновича. Миронова и Менакер очень любили друг друга, любили играть друг с другом. Стихия счастливой игры пронизывала их существование на сцене и в жизни».

Молодожёны поселились в Нижнем Кисельном переулке, где на шестом этаже одного из домов у Мироновой тогда были две небольшие комнаты в четырёхкомнатной квартире. Раньше она жила там со Слуцким.

Множество уютных вещей и вещей в сочетании с идеальным порядком – таким видела семейное гнёздышко Мария Владимировна. Таким его привыкли видеть муж и сын.

Главой семьи сразу же стала жена. Муж с удовольствием отдал ей в руки бразды правления и никогда не пытался хотя бы подержаться за них. Ему этого не требовалось. Он не только любил жену, но и уважал её, прежде всего за ум и твёрдость характера. Соперничать за власть с женщиной, которая всегда поступает правильно потому, что умеет принимать правильные решения? Да кто в здравом уме решится на такое?! Да и потом, это же так приятно, когда, кроме искусства, не надо ни во что вникать... Образно говоря, Мария Владимировна занималась тем, что «создавала напряжение», а деликатный и ироничный Александр Семёнович вечно «снял» его излишки.

«Мама хотя и была строга, но баловала меня, – вспоминал Андрей Миронов, – а отец, напротив, несмотря на свою мягкость и деликатность, умел трезво смотреть на жизнь. Отец был по-настоящему интеллигентным человеком. Он любил людей, искренне, от души радовался успеху другого. Если видел истинный талант, необычайно ценил и уважал его. Я мало встречал людей, которые так могли проникаться проблемами другого человека, так проявлять действительную заботу и внимание к нуждающемуся, как это делал отец».

Глава 2

Подарок в женский день

Готовясь стать матерью, Мария Миронова (фамилию свою она ни в одном из браков не меняла) не порывала со сценой. До последнего дня она выступала перед зрителями.

Схватки начались в театре, вскоре отошли воды, и Миронову срочно отправили в родильный дом имени Грауэрмана, что на Арбате. Ближе к полуночи она родила мальчика, которого по обоюдному согласию назвали Андреем, Андрюшей.

Он успел родиться ещё 7 марта, но счастливым родителям вздумалось слегка изменить дату рождения – пусть их мальчик станет подарком собственной матери и вообще всем женщинам к Международному женскому дню 8 Марта. Так официальной, «паспортной» датой рождения Андрея Миронова стало 8 марта. Не исключено, что родители надеялись на то, что у сына, родившегося в праздничный день, вся жизнь будет сплошным праздником. Актёры в подавляющем большинстве суеверны, и у каждого есть свои заветные приметы.

1941 год. В Европе уже давно свирепствует война, а советские люди продолжают строить коммунизм. Или социализм, какая, в сущности, разница. Тревожные предчувствия конечно же витают в воздухе, но им почти никто не придаёт значения. Все твёрдо усвоили, что «если вдруг нагрянет враг матёрый», то «мы не допустим снова быть беде», погоним его «по земле, по сопкам, по воде», добьём в логове и «водрузим над землёю красное знамя труда».

Радио и пресса ежедневно рапортовали о новых достижениях, свершениях, победах или хотя бы просто о перевыполнениях планов, народ уверенно, твёрдой поступью шёл по указанному партией пути, и светлое будущее виделось таким близким, что его, казалось, вот-вот можно будет пощупать рукой.

Вскоре после родов Мария Владимировна вернулась на сцену. Андрюше нашли няню, свою, из театральных кругов, долгое время служившую в артистической семье. Няню звали Анной Сергеевной, она недавно разменяла восьмой десяток, но была бодра и сноровиста. Не исключено, что поддерживать себя в форме Анне Сергеевне помогала полынная настойка, рюмку которой она неизменно принимала в обед. Как и положено выходцам из Нижегородской губернии, Анна Сергеевна налегала в речи на «о». Кроме того, она по-простонародному коверкала слова, что не замедлило сказаться на речи маленького Андрюши, которого впоследствии пришлось переучивать.

Дирекция Театра миниатюр ценила свою «приму» Марию Миронову настолько, что регулярно отправляла за малышом машину. Андрюшу привозили в театр, чтобы мама, ненадолго отлучившись со сцены, могла бы дать ему грудь. По тем временам это была неслыханная привилегия, как нельзя лучше характеризующая положение Марии Владимировны в театре.

13 июня 1941 года ТАСС в своём сообщении заверил граждан, что слухи о «близости войны между СССР и Германией» ложные.

Вечер последнего мирного дня Мария Владимировна и Александр Семёнович провели в ресторане, в богемном ресторане Клуба театральных работников, который на весну и лето переезжал из Старопименовского переулка в небольшой садик на Страстном бульваре. Садик этот находился при доме № 11, занятым журнально-газетным объединением, сокращённо «Жургаз». Соответственно садик именовался садом «Жургаза».

Это было славное место, где по вечерам играл знаменитый джаз-оркестр Александра Цфасмана, место, где собирались только свои, ведь для того, чтобы попасть в ресторан, требовался специальный пропуск. Ресторан Дома Грибоедова в «Мастере и Маргарите» описан Бул-

гаковым с натуры. Прототипами послужили два известных столичных ресторана – при Доме Герцена¹ и при Клубе театральных работников.

Кстати, прототипом директора ресторана Дома Грибоедова Арчибальда Арчибальдовича послужил Яков Данилович Розенталь, директор ресторана Клуба театральных работников. Он и впрямь был черноглазым красавцем во фраке, разве что без «кинжальной бороды».

...Ужин был в некотором смысле прощальным – послезавтра, 23 июня, Менакер уезжал вместе с трупой на гастроли в Армению, а Миронова была вынуждена остаться в Москве с Андрюшей. На самом же деле вечер в ресторане оказался прощанием с прежней, довоенной жизнью. Той жизнью, которая иногда казалась такой трудной, но на самом деле была светлой и безоблачной. Разумеется, гастроли отменили и Александр Семенович остался в Москве с семьёй.

Война поначалу не нарушила театрального расписания. Шли заявленные спектакли и срочно готовился к выпуску антифашистский спектакль, для которого Менакер писал пролог и музыку. Война была где-то далеко.

Да, война была далеко, но она быстро приближалась к Москве. В ночь на 22 июля германская авиация начала бомбёжки. «Граждане, воздушная тревога!» – скоро эти слова станут привычными, можно даже сказать – обыденными.

Услышав сигнал воздушной тревоги, родители хватали четырёхмесячного сына и, вслушиваясь в нарастающий гул моторов, спускались в бомбоубежище – подвал своего же дома.

Вскоре обвыклись, стали приходить в бомбоубежище с книжкой. Там был яркий свет – неслыханная роскошь для затемнённой ночной Москвы, и можно было коротать время за чтением. Некоторые приходили с шитьём или какой-нибудь другой работой. Педантичные немцы бомбили обстоятельно и подолгу – часов до четырёх утра.

«Закрасили голубым звёзды Кремля, из Василия Блаженного в подвалы уносят иконы, – писал в июле 1941 года в дневнике писатель Всеволод Иванов. – ...Чтобы освободить подвалы для убежищ, жгут архивы. Трамваи полны людей с чемоданами; по улицам ребята с рюкзаками и узелками. Детей стало заметно меньше, а женщин больше. Исчезли люди в шляпах, да и женщины, хотя и носят лучшие платья, но ходят без шляп».

Началась эвакуация, в которую собрались вчетвером – вместе с няней Анной Сергеевной, к тому времени ставшей для всех просто Аннушкой. Уезжали в суматохе, толчее, растерянности. Верили, что вернутся, но понимали – это случится нескоро. Неразбериха тогда царил ужасная.

«Огромная вокзальная площадь, – вспоминала писательница Мария Белкина, исследователь творчества Марины Цветаевой, – была забита людьми, вещами; машины, непрерывно гудя, с трудом пробирались к подъездам. Та самая площадь трёх вокзалов... Но с Ленинградского вокзала уже никто не уезжал! С него некуда было уезжать... Все уезжали с Ярославского или – как мы – с Казанского.

Мелькали знакомые лица. Эйзенштейн, Пудовкин, Любовь Орлова (я случайно окажусь с ними в одном вагоне). Все пробежали мимо, торопились, кто-то плакал, кто-то кого-то искал, кто-то кого-то окликал, какой-то актёр волок огромный сундук и вдруг, взглянув на часы, бросил его и побежал на перрон с одним портфелем, а парни-призывники, обритые наголо, с тощими котомками, смеялись над ним. Подкатывали шикарные лаковые лимузины с иностранными флажками – дипломатический корпус покидал Москву. И кто-то из знакомых на ходу шепнул: «Правительство эвакуируется, Калинина видели в вагоне!»

¹ Дом Герцена, в котором когда-то родился автор «Былого и дум», расположенный по адресу Тверской бульвар, 25, в 1920-е годы был занят рядом литературных организаций, самыми крупными из которых были РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей и МАПП – Московская ассоциация пролетарских писателей.

А я стояла под мокрым, липким снегом, который всё сыпал и сыпал... Стояла в луже в промокших башмаках, в тяжёлой намокшей шубе, держа на руках сына, завернутого в белую козью шкурку, стояла в полном оцепенении, отупении посреди горы наваленных на тротуаре чьих-то чужих и своих чемоданов, и когда у меня окончательно занемели руки, я положила сына на высокий тук и услышала крик:

– Барышня, барышня, что вы делаете, вы же так ребёнка удушите – вы положили его лицом вниз!..»

Первым пристанищем стал Нижний Новгород, в ту пору называвшийся Горьким.

Вчетвером заселились в двухместный номер гостиницы «Москва», тогда это было не тесно, а наоборот – очень вольготно, чуть ли не по-царски, ведь поток эвакуированных рос с каждым днём. На новом месте уклад остался прежним, разве что без бомбёжек. Менакер и Миронова вместе с остальной труппой Театра эстрады и миниатюр начали работать на сцене местного драматического театра², а Аннушка продолжила нянчить Андрея. Справлялась она, несмотря на возраст, неплохо, правда иногда годы и усталость брали своё и няня могла заснуть на скамейке в сквере с ребёнком на руках. Бог миловал – обходилось без беды.

В Горьком пробыли меньше месяца – руководство отправило Театр эстрады в... плавание. Да-да, в настоящее «агитационное» плавание на теплоходе по Волге-матушке. Плавали до октября, а дальше предстояли сухопутные гастроли – Ульяновск, Куйбышев (Самара), Ташкент... В Ульяновске Андрюша внезапно затемпературил, изрядно перепугав этим родителей, но буквально на следующее утро выздоровел.

Александр Семёнович не мог дожидаться окончания гастролей в Ульяновске и отъезда в Куйбышев, где жили его родители. У бабушки с бабушкой находился и первый сын Менакера Кирилл Ласкари, эвакуированный из Ленинграда.

Кирилл Ласкари, которому тогда было шесть лет, вспоминал о первой встрече с восьмимесячным братом: «Впервые я увидел Андрея на перроне железнодорожного вокзала. Шла война. «Ташкентский» (имеется в виду поезд, следовавший до Ташкента. – А. Ш.) прибывал в Куйбышев глубокой ночью. Очень хотелось спать.

– Сейчас мы его увидим, боже мой. Не спи, Кирочка, – говорил дед Сеня.

Голова моя лежала у него на плече. Глаза слипались, убаюкивал цокот копыт по булыжной мостовой. На вокзал мы отправились заранее заказанным гужевым транспортом.

Из вагона Андрюшу вынес папа. Тётя Маша отёрнула угол тёплого одеяла, в которое он был завернут, и я увидел смешное личико спящего маленького мальчика.

– Это твой брат, – сказал, улыбнувшись, папа.

Они, наши родители, папа, моя мама и тётя Маша, сделали так, что с малых лет наше отношение друг к другу было братским, родственным в подлинном понимании этого слова».

Такое случается нечасто. Гораздо чаще сводные братья и сёстры откровенно или подспудно враждуют друг с другом. Москвич Андрей и ленинградец Кирилл будут дружить всю жизнь, несмотря на разделяющее их расстояние. Оба унаследуют от отца страсть к музыке и при встречах будут изображать джазовый оркестр. Кирилл, как более сведущий в музыке, станет играть на рояле, а Андрею достанутся «ударные инструменты» – кастрюли да кружки. А ещё они будут искать в Гатчине клад – ящик с драгоценностями, якобы зарытый прадедом-ювелиром. Правда, так ничего и не найдут, но зато от души повеселятся. Будет много чего хорошего, пока ранняя смерть Андрея не положит всему конец... Кирилл Ласкари вспоминал: «Андрей был удивительным братом. В трудные минуты моей жизни он всегда был рядом со

² Нижегородский государственный академический театр драмы имени Максима Горького – один из старейших в России. Основал его страстный театрал князь Николай Шаховской, переехавший на постоянное жительство в Нижний Новгород. В феврале 1798 г. Нижегородский публичный театр (так он тогда назывался) дал свой первый спектакль – комедию Фонвизина «Выбор гувернёра». Роли исполняли крепостные актёры Шаховского. Князь отвёл под театр один из собственных домов и управлял своим детищем более четверти века, вплоть до кончины.

мною. Помню, у меня умерла моя мама, и Андрей, узнав об этом, сразу ночью приехал ко мне в Ленинград, всё сам организовал...

За два дня до его смерти мне приснился странный сон, будто бы Андрей спускается в чёрном смокинге с парадной лестницы и неожиданно кто-то его ударяет по голове бутылкой с красным вином... И вдруг в пять утра – страшный звонок...

Погостив неделю у бабушки с дедушкой, Андрей вместе с родителями и трупой переехал в Ташкент, город хлебный, тёплый и многолюдный. Нет, не многолюдный, а битком набитый народом – к местным жителям добавилось такое же, если не большее количество эвакуированных. «Красный граф», писатель Алексей Николаевич Толстой язвительно, но метко окрестил узбекскую столицу «Стамбулом для бедных». Писатель Всеволод Иванов был более резок, характеризуя в своём дневнике Ташкент как «город жуликов, сбежавшихся сюда со всего юга, авантюристов, эксплуатирующих невежество, татуированных стариков, калек и мальчишек и девчонок, работающих на предприятиях».

В эвакуации всем жилось трудно, в том числе и известным артистам. Жили где придётся. Первую ночь спали в фойе ташкентского Театра оперетты, затем по знакомству переселились на кухню к знакомой актрисе, откуда перебрались в двухспальный, как и в Горьком, номер гостиницы «Узбекистан». За неимением кровати Андрюша спал в корзине, которую раздобыла ему няня. Гостиничный номер сменила съёмная «квартира» с земляным полом...

Вскоре случилась крупная неприятность. По-настоящему крупная, чреватая далеко идущими последствиями.

Когда Театр эстрады и миниатюр отправился на «малые» гастроли по частям Среднеазиатского военного округа, Мария Владимировна отказалась уезжать из Ташкента. У неё имелась уважительная причина – она продолжала кормить Андрюшу грудью и не могла оставить его с няней. Взять ребёнка с собой тоже было нельзя – как раз в то время он болел.

Директор театра, недолюбливавший Марию Владимировну за её независимый характер, написал заявление в суд, обвинив актрису в саботаже. В сталинскую эпоху это было тяжёлое обвинение, ну а в годы войны и того больше. По законам военного времени саботажников нередко расстреливали. Конечно же Мироновой расстрел не грозил, не та ситуация, но вот лишиться свободы на приличный срок она могла.

Закончилось всё быстро и хорошо. «Для защиты мы обратились к одному из наиболее видных московских адвокатов, Леониду Захаровичу Капу, – вспоминал Александр Семёнович, – тоже находившемуся в Ташкенте, и он согласился участвовать в этом «шумном процессе». И вот идёт суд. Душное помещение набито до отказа. Тут актёры театра и многие наши друзья. Судья прочитала исковое заявление, в котором звучало грозное слово «саботаж», но не была указана причина отказа Мироновой от поездки. Когда Кац назвал причину, по залу пронёсся гул возмущения. Представитель Дома Красной Армии развёл руками, сказав, что его ввели в заблуждение, а судья сделала выговор директору: «Как вам не стыдно бросаться такими словами и отнимать время у суда?!» Естественно, справедливость восторжествовала, и театр поехал без Мироновой».

Беда, как известно, не приходит одна – спустя некоторое время Андрюша заболел уже тяжело. Врач диагностировал дизентерию и посоветовал срочно раздобыть остродефицитное лекарство сульфидин. Спасла Андрюшу Нина Громова, жена известного лётчика Михаила Громова, в то время командовавшего авиацией Калининского фронта. Нина связалась с мужем, тот раздобыл сульфидин и с «попутным» самолётом отправил его в Ташкент. Пройдёт много лет, и однажды, встретившись с Михаилом Грозовым, Мария Владимировна скажет: «Михаил Михайлович, вы спасли мне сына. Спасибо вам».

В перерывах между гастролями Александр Семёнович готовил новую эстрадную программу для своего театра. Программа получилась отличная, слух о её успехе быстро докатился до Москвы, что поспособствовало быстрому (уже в октябре 1942 года) возвращению домой.

Можно представить, какой это был праздник – после всех эвакуационных мытарств вернуться в Москву, в свой дом. Правда, дома у себя они поселились не сразу. «Москва была иной, чем мы её покинули, – вспоминала Мария Владимировна, – строгой, дисциплинированной, малолюдной и поразительно чистой. Встретивший нас главный администратор театра Сергей Алексеевич Локтев, которому мы, уезжая из Москвы, оставили ключи от нашей квартиры, возвращая их, сказал, что первое время всё-таки будет удобнее пожить в гостинице – номера ждут. В то время многие писатели и композиторы жили в гостиницах – там было теплее и можно было прикрепить карточки на обед.

Мы поселились в старой гостинице «Гранд-отель», действительно удобной и уютной. Теперь её уже нет, на её месте стоит новый корпус гостиницы «Москва».

Не успели расположиться, как стали приходить друзья, большинство в военной форме: Ленч, Изольдов, братья Тур, работавшие корреспондентами. Они рассказывали много интересного. Постепенно мы входили в ритм московской жизни.

Назавтра, с понятным волнением, мы отправились на Петровку. Удивительно, но дома всё было в полном порядке. На кухне висели выстиранные перед отъездом пелёнки и менажёрские носки, а в буфете – испечённый мною, тоже перед самым отъездом, песочный пирог с вареньем. Господи, с каким удовольствием мы его съели! Потом прошлись по Столешникову, Дмитровке, по проезду Художественного театра и вышли на улицу Горького, чтобы посмотреть на наш театр».

С театром ничего не случилось – целый и невредимый стоял он на своём месте, словно олицетворение постулата о вечности искусства. Правда, по военному времени большей частью приходилось работать «на выезде», гастролируя по фронтам. Андрюша оставался в Москве с няней.

В трёхлетнем возрасте мальчика начали приобщать к театру. Вернее, не начали, а попробовали. Закончилась попытка конфузом.

Вначале всё было хорошо – няня привела Андрюшу в театр на дневной спектакль. Им, как своим, достались самые лучшие места в директорской ложе. Андрюша не столько смотрел на сцену, сколько разглядывал зрителей, сидящих в зале (спектакль был хоть и дневным, но «взрослым»).

Когда на сцене появился Александр Семёнович, Андрюша очень обрадовался. Можно понять его детскую радость. Он чуть было не выпал из ложи – лёг на барьер и громко, на весь зал завопил: «Папа! Папа!»

Папа вначале не реагировал на оклик. «Не слышит», – должно быть, решил Андрюша и «прибавил громкости». Такой вопль не услышать было невозможно.

Смеялись все – и зрители, и актёры. Только Александр Семёнович стоял как столп, не в силах вымолвить ни слова. Мальчик, весьма довольный тем, что оказался в центре внимания, продолжал вопить, перекрывая раскаты смеха, что вызывало новый смех. Этому, казалось, не будет конца...

Кто-то из артистов попробовал спасти спектакль и потребовал увести возмутителя спокойствия из зала. Няня не согласилась. «Ребёнок отца увидал, – сказала она, – что вам, жалко, что ли?!» После этой фразы стихавший было смех зазвучал с новой силой, и спектакль был сорван окончательно. Занавес опустился, и зрители начали расходиться.

Анна Сергеевна прожила в семье до последних своих дней. Умерла она в 1955 году. Никогда не жаловалась на здоровье, но вдруг заболела и быстро ушла из жизни... Её кончину переживали все трое, но особенно сильно Андрей, всё своё детство проводивший под ласковой опекой Аннушки.

Тот поход в театр запомнился и Андрюше, и родителям. Мальчик, очень довольный произведённым впечатлением, просился в театр, а менее довольные родители всячески отнекивались, отодвигая новое посещение театра в далёкое будущее.

Мечта Андрюши сбылась нескоро – через три года. В детском восприятии это целая вечность! Летом 1946 года мальчик побывал на представлении с участием своих родителей, дававшимся в летнем театре Центрального дома Советской Армии.

«В один из тёплых вечеров мы взяли с собой шестилетнего Андрюшу, – вспоминала Мария Владимировна. – Он стоял за кулисами и внимательно слушал родителей. Вдруг в середине номера раздаётся дружный смех, которого мы в тот момент совершенно не ждали. Менакер даже осмотрел свой костюм, всё ли в порядке по линии туалета? Мне почему-то приходит в голову мысль, что по сцене пробежала кошка – у зрителей это всегда вызывает неописуемый восторг. Поворачиваю голову и вижу стоящего посередине сцены Андрюшу с открытым ртом. Он так увлёкся творчеством родителей, что захотел разглядеть их поближе и вышел на сцену. Это был первый выход Андрея Миронова на эстраду».

Актёр Зиновий Гердт, друживший с Мироновой и Менакером, вспоминал об Андрее так: «Это был мальчик с толстенькими ножками, он ходил всегда в шортах. Мы все его любили, я бы сказал, такой отсвеченной любовью, потому что любили его маму и папу – Машу и Сашу, замечательных эстрадных актёров. Профессией родителей был определён и круг друзей дома – актёров, драматургов, авторов, работавших в так называемых «малых формах». И вот однажды, где-то в 50-х годах, мы встречали у Мироновых Новый год. Жили они тогда на Петровке, квартира была маленькая, но очень изящная. Прекрасный был вечер, прекрасные были гости... Когда все разошлись... я, наоборот, договорился, что загляну поближе к обеду, поскольку жил близко – снимал комнату в Столешниковом переулке. Кроме того, я обожаю приходить, как говорят, «на чёрствые именины» – когда можно спокойно доесть то вкусное, что осталось от вчерашнего дня. И вот я пришёл часам к четырём и неожиданно оказался единственным зрителем перед единственным актёром. Мальчик Андрюша, совершенно не стесняясь, показал мне, изобразил всех гостей. Всех и меня самого. Было страшно похоже. Но это была не имитация. Я знаю многих пародистов, которые клинически – голосами, манерой, всем – напоминали своих персонажей. Напоминали. А Андрей совершенно свободно существовал в чужой шкуре: он разговаривал на любые темы, но от имени данного лица. Я был в изумлении. Что-то в этом мальчике было от Андроникова. Потом я понял, что именно: Андрюша Миронов не просто имитировал друзей и знакомых, а от их имени жил, их мыслями мыслил и чувствами чувствовал.

И я понял – это будет актёр».

Правильно понял.

Глава 3

Семья и школа

Мария Владимировна была не просто главой семьи, а её кумиром, центром мироздания, вокруг которого вращались все и вся. Всегда, в любой ситуации она была уверена в своей правоте и требовала беспрекословного подчинения. Муж и сын подчинялись. Потому что любили, потому что сами верили в её непогрешимость, потому что боялись её гнева.

О, гневаться Мария Владимировна умела! Порой доходило и до битья посуды, хотя можно себе представить, насколько валяющиеся на полу осколки не вписывались в её концепцию безукоризненного порядка. Впрочем, как это часто бывает, яростный гнев её был недолгим. Выплеснет эмоции, убедится в том, что власть её над домашними по-прежнему незыблема, и успокоится.

Трудно сказать, кому доставалось больше – мужу или сыну. Наверное, всё-таки сыну, ведь на него, единственного и поистине ненаглядного, изливалась та самая материнская любовь, от которой нет спасения...

Московская средняя школа № 1278 на Петровке, отметившая уже семидесятипятилетний юбилей, славится своими учениками. Здесь учился не только Андрей Миронов, но и Василий Ливанов, Евгений Светланов, Эдвард Радзинский, Марк Розовский, Илья Рутберг, Элла Леждей, Борис Мессерер, Александр Ленков, Людмила Петрушевская, Анастасия Вертинская... Если перечислять всех, то список может растянуться на несколько страниц. Правда, в 1948 году, когда Андрей Миронов (тогда ещё Андрей Менакер) пошёл в первый класс, это была обычная, ничем не знаменитая школа, выпускники которой ещё не успели прославиться. Разве что расположена удобно – серое здание школы находилось рядом с домом Андрея.

«Построенная в тридцать пятом году по тогдашнему типовому проекту, – вспоминал Анатолий Макаров, учившийся вместе с Андреем, – наша школа ни в прежнем, ни тем более в нынешнем понимании привилегированной не была. Вместе с детьми артистов в ней учились в подавляющем большинстве пацаны из проходных дворов, с Бахрушенки, из Дмитровского и Кузнецкого, лихая послевоенная безотцовщина. И всё же школа, несомненно, слыла престижной, хотя к современному смыслу этого слова та её престижность не имеет ни малейшего отношения. Заключалась же она в особой атмосфере художественных интересов и разнообразного творчества, которая то ли сама собой, силой обстоятельств, сложилась в этих стенах, то ли особо и осознанно возделывалась преподавателями. Сценическим искушениям, к примеру, были подвержены все поколения, едва ли не в каждом классе что-то ставилось, разыгрывалось, изображалось. Это было, так сказать, нормой здешней духовной жизни»³.

1948 год. Страна на подъёме. Залечиваются нанесённые войной раны, недавно отменили карточную систему, жизнь день ото дня становится лучше, правда не все так веселы, как утверждают в Кремле, но тем не менее... Кстати, в этом же году началась пресловутая «борьба с космополитизмом», проще говоря – государственная антисемитская кампания. Именно она послужила причиной превращения Андрея из Менакера в Миронова. Боясь осложнений, родители сменили еврейскую фамилию сына на исконно русскую, не вызывающую ни подозрений, ни опасений.

Мария Владимировна искренне верила, что её сын – самый одарённый и самый талантливый ребёнок на свете. Это закономерно – мать есть мать, и свой ребёнок, каким бы он ни был на самом деле, для неё всегда лучше других. Интересно то, что родители поначалу не раз-

³ Макаров А. Андрей из 170-й. Записки однокашника. «Советская культура». 26.09.1987.

глядели в Андрее ни актёрского, ни музыкального таланта. В своих мечтах они видели сына дипломатом и надеялись, что он поступит в институт международных отношений.

«У нас дома стоял рояль «Блютнер», – вспоминал Андрей, – но до четырёх лет я был убеждён, что это фамилия рояля. Дело в том, что к нам часто приходил композитор Матвей Исаакович Блантер. Я был уверен, что Блантер, Блютнер – это одна и та же фамилия. Вообще, мои родители очень музыкальные люди, и они мечтали, чтобы я стал пианистом. Ещё буквально в грудном возрасте меня подносили к инструменту, я бил по клавишам и уже тогда произносил фамилию великого композитора: «Бах, бах, бах». Ну и родители сочли это достаточным основанием, чтобы пригласить ко мне учителя музыки. Это был очень пожилой человек с печальными глазами. Он сыграл мне что-то и попросил меня повторить. Как мог, я повторил. Глаза его стали ещё печальнее. Он сказал: «К сожалению, у этого мальчика нет слуха». Тогда вмешалась бабушка, она была очень энергичная женщина, и сказала: «Я не понимаю, а зачем мальчику слух, он же будет играть, а не слушать. И потом, его отец великолепно играет на рояле, разве это не передаётся по наследству?» А музыкант был такой интеллигентный человек, он сказал: «Не волнуйтесь, мадам, рояль передаётся». И ушёл навсегда... Леонид Осипович Утёсов, послушав моё бречание, сказал: «Андрюша, детка, никого не слушай, играй каждый день по два часа, доставь радость папе и маме». Вот тогда, извините, взмолился отец: «Леонид Осипович, а в чём радость?!» Утёсов ответил: «Сашенька, радость – это когда он замолкнет»».

Быть дипломатом престижно, но тогда, в стране, жившей за железным занавесом, возможность регулярного пересечения этого самого занавеса (а стало быть, и возможность обеспечивать себя и свою семью разнообразными заграничными товарами) ценилась невероятно. Дипломаты, пусть даже и самые нетитулованные, в негласной «табели о рангах» приравнялись к «небожителям» – высокопоставленным партийным чиновникам. Их объединяло одно – постоянный доступ к «дефициту», к тому, что было недоступно простым советским людям.

Разумеется, Андрей должен был учиться хорошо, чтобы не позорить своих родителей. Он и учился – носил домой пятёрки и четвёрки. Когда в четвёртом классе набрал троек, получил строгую выволочку от матери и снова взялся за ум. По свидетельству одноклассников, Андрей учился ровно, успевая по всем предметам, но не питая ни к одному из них особого пристрастия. Разве что английский учил он с удовольствием и говорил на нём куда лучше своих сверстников. Оно и верно – будущему дипломату без знания английского никак нельзя. Застрянешь где-нибудь в Софии и всё, конец всех песен. Конечно, атташе в советском посольстве в Болгарии быть гораздо лучше, чем токарем на заводе, но ведь есть ещё Лондон, Нью-Йорк, Сан-Франциско...

Впрочем, Андрей определился с выбором будущей профессии довольно рано. Он хотел, мечтал, намеревался стать актёром. Тем более что способности к лицедейству у него были, и неплохие. Конечно же на мальчика оказывала влияние творческая среда, в которой он пребывал с момента своего рождения. «Андрей, – вспоминал писатель Григорий Горин, бывший другом семьи, – весь отсюда, из этой ухоженной московской квартиры, где тесно не только от обилия книг и картин, но прежде всего от весёлых и талантливых людей, которые постоянно собирались здесь».

Театр, актёры, спектакли. Всё это было так знакомо, всё это так манило... «В детстве он ничем не увлекался, – вспоминала о сыне Мария Владимировна, – собирал марки, но потом бросил. Пожалуй, больше всего его всё-таки привлекало лицедейство. Он обожал играть в войну. Обычно он закрывался в комнате, и оттуда доносились самые разные звуки. Он за всех стрелял, за всех отдавал команды, погружаясь в игру с головой. Мне кажется, что ему нравилось лицедействовать, но что из него получится артист, я не думала. Как-то я ему купила коньки. А рядом с нашим домом был динамовский каток – Петровка, 26. И он каждый вечер, сделав уроки, ходил на каток. И один раз думаю, дай я посмотрю, как он катается. Прихожу и вижу: мой Андрюша стоит, заложив руки за спину, совершенно ничего не касается, просто

смотрит, как другие катаются, как падают, ему нравится, он хохочет. Он смотрел на это как на зрелище».

Всей семьёй летом традиционно отдыхали в подмосковном Пестове, в доме отдыха Московского художественного академического театра (когда-то это была усадьба героя Отечественной войны 1812 года генерала А. П. Ермолова). Здесь одиннадцатилетний Андрей чуть было не снялся в кино.

Летом 1952 года режиссёр Александр Птушко снимал в окрестностях Пестова фильм «Садко». Для массовки режиссёру потребовались дети, одним из которых оказался и Андрей. Вот как впоследствии сам он вспоминал о своём несостоявшемся дебюте: «Что такое кино и киносъёмка в то время! Масса света, техника, все бегают, кричат. Приехали пользовавшийся невероятной популярностью Сергей Столяров, молодая Алла Ларионова, другие киноартисты. Я с завистью смотрел на мальчика, игравшего одну из главных ролей. У него был велосипед, и он ощущал себя кинозвездой. Конечно, наше мальчишеское любопытство было возбуждено до предела. Лёша Хмелёв, я и другие устремились в самую гущу происходящего. Тут же мне пришлось столкнуться и с первым конфликтом в моей жизни, связанным с закулисным миром. Естественный пиетет, всегда ощущавшийся по отношению к Лёше как к сыну Хмелёва⁴, проявился незамедлительно. Ему дали какой-то неслыханный боярский костюм, а меня одели драным парубком в лаптях. А я был очень аккуратный мальчик. И когда мне дали страшную дерюгу, какую-то грязную мосфильмовскую с крупным синим номером шапку, я решил всю эту рвань надеть поверх своей тенниски на «молнии». А поскольку я нищий, то дерюга должна была просвечиваться, на что я совсем не обратил внимания. Короче, я полез в кадр, всё время держась Лёшки. А Лёшку – боярчонка в роскошных сапогах с загнутыми носами – всякий раз ставили на первый план. Упорно пробираясь через бояр, я наконец оказался перед самой камерой, и когда я уже практически влез в объектив и попал в свет, под дерюгой прямо перед Птушко «заиграла» моя «молния». Киносъёмочную группу огласил его иступлённый крик: «Что это?! Кто выпустил этого парубка с «молнией» на первый план? Я не вижу Садко, я вижу только «молнию» на рубашке этого хулигана!» Меня выбросили с площадки, как драного пса. Я так расстроился, что больше уже туда не лез и только со стороны, откуда-то из кустов с дикой обидой наблюдал за дальнейшим ходом событий. Вот такая была моя первая интрига с кино, которую я проиграл».

Ах уж эта тенниска на «молнии»! Андрей всегда был щеголем. Не просто одевался с иголочки, но и умел носить любой наряд, выглядеть в нём элегантно. Он не был записным красавцем, этот упитанный рыжий мальчик, но он был чертовски обаятелен. Миронов обращал на себя внимание сверстниц не только иностранными вещами, которые покупали ему родители. Было в нём что-то такое особенное, притягивающее взоры...

Полнота не лишала Андрея ловкости. Он рос спортивным ребёнком. По примеру всех сверстников обожал футбол, отлично защищал ворота. Любил музыку, только не классическую, а джазовую. Довольно опасное, надо сказать, по тем временам пристрастие. Вот отрывок из книги критика Ирины Образцовой «О музыке и музыкантах», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в 1952 году: «Звучность джаза построена на неестественных звуках, насилующих природу этих инструментов, и уродливых способах игры на них. Инструменты джаза скрежещут, взвизгивают, гогочут, скрипят. <...>

Такова музыка современного капиталистического мира, она калечит и слушателей, и исполнителей. Её осудил советский народ, и это записано в постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года и в решении I Всесоюзного съезда советских композиторов».

⁴ Николай Хмелёв – народный артист СССР, представитель второго поколения МХАТа, ученик К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, скончавшийся в 1945 г. во время генеральной репетиции спектакля «Трудные годы» по пьесе А. Н. Толстого, где играл царя Ивана Грозного.

Многие помнят крылатую фразу той поры: «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст!»

Андрей с детства отличался хорошими манерами, которые ему привили родители, в первую очередь мать. Мария Владимировна вспоминала, как однажды Андрей сказал в её присутствии матерное слово: «Помню, раз он вернулся домой и, снимая калоши, сказал: «Фу, б...ь, не слезает!» Сказал и очень победоносно на меня посмотрел. Я не кричала, просто спокойно спросила: «Ну и что?» – «У нас так ребята говорят». – «Скажи, пожалуйста, а от отца ты это слово слышал? Или от меня? Или от тех, кто у нас бывает?» – «Нет». – «Так вот, у нас это не принято»».

В 1948 году «театр двух актёров» прекратил существование. В рамках «борьбы с космополитизмом» Театр эстрады и миниатюр избавлялся от евреев. Менакеру пришлось уйти, вслед за ним ушла и Миронова. Дуэт распался. Супруги начали выступать самостоятельно. Мария Владимировна возобновила свои знаменитые «телефонные разговоры», а Александр Семёнович вернулся к любимому жанру музыкальных фельетонов.

Сольные выступления пользовались успехом у зрителей, но успеху этому всё же было далеко до того фурора, который производил дуэт. Довольно скоро, в 1954 году, Менакер и Миронова воссоздали свой «Театр двух актёров» под сенью только что открывшегося Московского театра эстрады. Спектакль «Говорящие письма», обозрение «В нашем доме», спектакль «Дела семейные», спектакль «Слушается дело о разводе»... Они почти не бывали дома, проводя всё время на гастролях – отечественных и зарубежных. Так, например, в Париж они отправились в качестве участников эстрадной программы «Большой Мюзик-холл СССР».

Поздравляя Марию Владимировну и Александра Семёновича с успехом их спектакля «Мужчина и женщины», драматург и сценарист Вадим Коростылёв особо поздравил Менакера с исполнением ещё одной роли, уже не сценической, а жизненной, постоянной – роли Менакера. «Это ведь тоже, – сказал он, – очень жизненная роль, истинного мужчины, который всегда пропускает женщину вперёд». И добавил, поясняя свою мысль сидевшим в зале: «Менакер умеет «подать», «преподнести» Миронову, отступая при этом в тень кулис».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.